

RU

Тамбовская губернская чрезвычайная комиссия в борьбе с крестьянским протестом (1918-1922 гг.)

Парахин С. А., Безгин В. Б.

Аннотация. Статья посвящена изучению деятельности Тамбовской ЧК по борьбе с крестьянским протестом периода 1918-1922 гг. Дан анализ форм участия и характера мер, примененных губернской ЧК в деле противодействия антиправительственным выступлениям тамбовских крестьян. Новизна работы состоит как в постановке изучаемой проблемы, так и в содержании использованных источников. Методология изучения данной проблемы основана на концептуальных подходах крестьяноведения. В результате проведенного исследования установлено, что «мятежи» 1918-1919 гг. и восстание 1920-1922 гг. в Тамбовской губернии, вызванные аграрной политикой большевизма, представляли угрозу безопасности коммунистической власти. Тамбовская губернская чрезвычайная комиссия, как карательный орган, была использована для организации и осуществления репрессий с целью подавления крестьянского протеста.

EN

Tambov Provincial Extraordinary Commission in Fight against Peasant Rebellion (1918-1922)

Parakhin S. A., Bezgin V. B.

Abstract. The article is devoted to studying the activities of Tambov Cheka (Extraordinary Commission) in fight against the 1918-1922 peasant rebellion. The researchers have analysed forms of participation and nature of the measures applied by the Provincial Cheka to counter anti-government protests of Tambov peasants. Scientific novelty of the work lies both in formulation of the issue under study and in the content of the sources used. Methodology of researching this issue is based on conceptual approaches of peasant studies. As a result, it is ascertained that the 1918-1919 “riots” and the 1920-1922 uprising in Tambov province, caused by the Bolshevik agrarian policy, posed a threat to the Communist government’s security. Tambov Provincial Extraordinary Commission, being a punitive body, was used to organise and carry out repressive measures in order to suppress the peasant rebellion.

Введение

Актуальность темы протестных настроений и их проявлений в российской истории обусловлена как значимостью изучения природы конфликта власти и общества, так и необходимостью научного осмысления места и роли репрессий в советской системе управления. Проблема участия чрезвычайных комиссий в борьбе с крестьянскими восстаниями периода гражданской войны продолжает вызывать исследовательский интерес, и подтверждением тому являются публикации последних лет [7; 8; 14; 15]. Источниковую основу настоящей работы составили архивные документы и материалы местной периодики, вводимые в научный оборот по большей части впервые. Цель статьи состоит в изучении места и значения губернской чрезвычайной комиссии в системе репрессивных мер, примененных коммунистической властью для подавления крестьянского протеста периода гражданской войны. Задачи исследования заключаются в анализе управленческой модели, использованной властью в условиях гражданской войны, а также в оценке действенности мер репрессивного характера. В работе использованы апробированные методы исследования, такие как историко-сравнительный, историко-генетический, системный. Теоретическая значимость работы состоит в изучении механизма репрессивных органов советской системы управления, примененного коммунистическим руководством страны для подавления крестьянского протеста периода гражданской войны. Содержание исследования практически применимо в подготовке образовательных курсов по истории гражданской войны и повстанческого движения в советской России, а также в написании научных работ по истории спецслужб и правоохранительных органов.

Основная часть

Социально-экономическое положение в стране и состояние гражданской войны в обществе обусловили командно-административные методы советской системы управления. Ведущую роль в ней на всем протяжении периода вооруженной борьбы коммунистического режима с его противниками играли созданные на местах губернские чрезвычайные комиссии (губЧК). В Тамбовской губернии, тыловой в годы гражданской войны, главную опасность для власти представляло крестьянское движение, кульминацией которого стало восстание 1921-1922 гг. Вполне закономерно, что аграрные «мятежи» периода 1918-1919 гг., произошедшие в отдельных волостях губернии, были восприняты как «контрреволюционные» выступления, хотя, по сути, они таковыми не являлись. Подавление крестьянского протеста осуществляла губернская ЧК. По имеющимся сведениям, в 1918 г. на территории губернии произошло шесть восстаний, в ходе которых погибло 24 чел. и 112 чел. было расстреляно за участие [16, с. 49]. По всей видимости, число жертв «красного террора» было большим. Так, на 1-й конференции уездных и районных чрезвычайных комиссий Тамбовской губернии, проходившей 5 декабря 1918 г., руководители уездных чрезвычайных комиссий рапортовали о своих «успехах» в деле подавления сельских мятежей. Спасской уездной ЧК «было произведено до 30 расстрелов ярых зачинщиков. Восставшие жгли и разбирали мосты, когда были собраны главари восставших, их расстреляли на площади на виду у всех». В Шацком уезде местные чекисты «в некоторых волостях расстреливали по 40-50 чел., а всего во время беспорядков было расстреляно до 500 крестьян» [3, д. 34, л. 36 об., 37]. Только по официальным данным в период с мая по июнь 1919 г. Тамбовской губЧК по обвинению в бандитизме были арестованы 123 чел., из которых 23 чел. – приговорены к расстрелу [16, с. 53, 54].

Первоначально действия Тамбовской губЧК по отношению к восставшим крестьянам не были жесткими, а наказание – суровым. Примером тому служит протокол заседания коллегии губЧК от 17 января 1920 г. Согласно ему, 24 крестьянина Больше-Лозовской волости, обвиненных в контрреволюционном восстании, были признаны виновными, приговорены к условному заключению в лагерь принудительных работ сроком на один год и освобождены из-под ареста [3, д. 957, л. 7]. В ходе проводимых репрессий возникла проблема содержания осужденных крестьян по причине недостатка мест заключения. Руководство Тамбовской ЧК решением от 19 февраля 1920 г., «принимая во внимание большой рост бандитизма в Тамбовской губернии и неустройство концентрационного лагеря, откуда осужденные бандиты убегают, постановило направлять бандитов и уголовников в Центральный лагерь» [Там же, л. 29]. Возможности пенитенциарной системы губернии явно не были рассчитаны на такой поток «контрреволюционеров». В докладе от 27 декабря 1920 г. председатель Тамбовской губЧК констатировал, что «ввиду перегруженности концлагерей арестованными следует просить ВЧК разрешить перебросить их часть, численностью до 3000 человек, в другие губернии» [4, д. 196, л. 4]. По данным статистики ВЧК за 1921 г., число арестованных губернской ЧК составило 6435 чел., и по этому показателю она занимала шестое место в стране. Среди лидеров местная «чрезвычайка» была и по количеству осужденных, 858 чел. [16, с. 363, 367].

К весне 1920 г., по мере ухудшения ситуации со сбором продразверстки, реакция власти на крестьянский протест становилась все жестче. Об этом можно судить по материалам дела № 547, начатого губЧК 5 апреля 1920 г. Из его содержания явствует, что из 24 граждан д. Липовки и Борисовки Лебедянского уезда, обвиненных в контрреволюционном восстании, связанном с государственной хлебной разверсткой, восемь крестьян были переданы в губернский революционный трибунал, а остальные – освобождены под подписку [3, д. 957, л. 89 об.]. Во исполнение распоряжения ВЧК решением коллегии Тамбовской губЧК от 14 мая 1920 г. был создан трибунал ВОХР [Там же, л. 104].

Летом 1920 г. по причине объявления в ряде губерний, в том числе и Тамбовской, военного положения встал вопрос о разграничении полномочий членов военного совета и определении функций местных ЧК. В телеграмме ВЧК от 10 июня 1920 г. разъяснялось, что в случае возникновения восстания чека ведут следствие и агентурную работу, а также им предоставлено право военно-революционного трибунала, т.е. расстрела [Там же, д. 956, л. 2]. Указания центральной власти сразу были приняты как руководство к действию. Уже 22 июня 1920 г., как следует из протокола № 181 коллегии губЧК, было решено расстрелять 19 крестьян с. Рамзы, обвиненных в бандитизме и терроре коммунистов, а также «как элемент, безусловно, вредный и опасный для Советской республики» [Там же, д. 958, л. 67 об.].

С началом крестьянского восстания в губернии местная ЧК выступила координирующим центром для борьбы с ним. 21 августа 1920 г. на экстренном заседании президиумов Тамбовского губкома РКП(б) и губисполкома был создан военно-оперативный штаб при губЧК. Ввиду массовой поддержки местным населением действий восставших репрессивные меры власти носили масштабный характер. Приказом № 5 от 28 августа 1920 г. предписывалось в течение 48 часов провести полную конфискацию имущества граждан 20 сел, мужчин в возрасте от 16 до 40 лет арестовать и отправить на принудительные работы, а реввоен трибуналу осуществить суровую революционную расправу с соучастниками бандитов [5, д. 4, л. 4]. Спустя 3 дня, т.е. 31 августа 1920 г., новым приказом предписывалось в селах, охваченным восстанием, брать заложников из граждан от 18 лет, не считаясь с их полом, и если бандитские выступления будут продолжаться, то заложников расстреливать, а жителей селения выселять в лагерь принудительных работ до окончания гражданской войны [4, д. 218, л. 65].

Очевидно, что губЧК позиционировала себя как единственный карательный орган, могущий осуществлять репрессии на местах. Примером тому послужит следующий казус. Из протокола заседания президиума Борисоглебского укома РКП(б) от 13 октября 1920 г. следует, что «слушали: о красном терроре по отношению к коммунистам

бандитских шаек; постановили: предложить Политбюро провести красный террор в районах убийств коммунистов и ответственных работников». Уже 3 ноября 1920 г. в Тамбовский губком РКП(б) было направлено обращение губЧК, в котором она просила губком указать укомпарту, что «Политбюро красный террор проводить не правомочно, а для расправы с бандитами созданы выездные чека, каковые и выполняют задания губЧК, в Борисоглебском районе такая комиссия имеется, ей руководит т. Глобин» [3, д. 960, л. 143, 144].

О масштабе чекистского террора можно судить по публикациям губернских «Известий». Так, по приговорам трибунала ВОХР к 6 сентября 1920 г. было «расстреляно свыше 250 бандитов и их пособников» [9]. Без устали «трудились» созданные губЧК выездные сессии. Только за период с 10 по 25 сентября 1920 г. выездной сессий ЧК в Рассказовском районе «за активное участие в контрреволюционном восстании» было расстреляно 65 крестьян [10]. По постановлению выездной сессии ЧК Рассказовско-Инжавинского района с 25 сентября по 8 октября 1920 г. за то же преступление к расстрелу было приговорено 40 человек [12]. 24 крестьянина за участие в восстании были лишены жизни решением выездной сессии ЧК Сампурского района за период с 8 сентября по 13 октября 1920 г. [11]. Еще 44 человека были расстреляны в период с 14 октября по 21 октября 1920 г. постановлением выездной сессии ЧК Рассказовско-Инжавинского района [13]. Публикация «расстрельных списков» преследовала эффект устрашения и демонстрировала решительность коммунистической власти в борьбе с крестьянским протестом.

Другая задача, которую решали местные органы безопасности, состояла в оперативном сборе сведений о событиях, представлявших угрозу коммунистическому режиму. О значении разведки в деятельности уездных ЧК говорил на совещании 5 декабря 1918 г. представитель ВЧК т. Чибисов [3, д. 34, л. 38]. Циркуляром № 33 от 6 января 1919 г. Тамбовская губЧК предписывала уездным чрезвычайным комиссиям информировать губернские и уездные власти о контрреволюционных выступлениях на местах [Там же, д. 131, л. 5]. Для оценки политических настроений сельских жителей требовались агентурная разведка и сеть осведомителей. Военный совет распоряжением от 6 сентября 1921 г. предложил командующим боевыми участками (БУЧ) «установить агентурную разведку для выяснения строения власти на местах, занятых бандитами» [5, д. 3, л. 64]. С этой же целью на заседании коллегии губЧК 2 ноября 1920 г. обсуждали вопрос реорганизации и постановки контрразведывательного аппарата в районе бандитского движения. Было принято решение «выделить из состава ЧК 7 товарищей, которых бросить в район, охваченный бандитским движением, для обслуживания такового и налаживания осведомительного аппарата» [3, д. 958, л. 88]. На заседании военного совета по ликвидации восстания в Тамбовской губернии 1 января 1921 г. представитель губЧК Я. Ф. Янкин предложил при командовании боевыми участками организовать отделения губЧК, которые будут собирать все данные о движении главарей мелких банд, являющихся пособниками Антонова [Там же, д. 1026, л. 24 об.]. В докладе председателя Тамбовской губернской чрезвычайной комиссии П. П. Громова от 4 января 1921 г. эта задача была конкретизирована: «...необходимость создания 10-12 особых пунктов, которые будут вести всю контрразведывательную работу» [Там же, д. 1038, л. 27].

Не очень полагаясь на возможность создания сети осведомителей из числа местных крестьян, губЧК телеграммой от 23 апреля 1921 г. рекомендовала внедрять «в банды надежных осведомителей, беря их из противоположных восстанию мест губерний, неизвестных в районе восстания» [Там же, д. 1031, л. 10]. Особые надежды в этом вопросе власть возлагала на военных коммунистов. В наказе коммунистическим ячейкам воинских частей 1-го Кирсановского БУЧ напоминалось о том, что «каждый коммунист должен быть чекистом, принимать активное участие в работе, связавшись и способствуя всеми силами находящемуся в районе или при части уполномоченному особому отделу, главной задачей ставя выявление местных бандитов, дезертиров и активных руководителей банд, “членов комитетов” и “союза трудового крестьянства”» [Там же, д. 1053, л. 13 об.]. По всей видимости, такие призывы отклика не находили, и на всем протяжении борьбы с повстанцами карательные органы испытывали недостаток в добровольных помощниках, даже в коммунистической среде. Подтверждение тому – приказ № 149 политотделам армии Тамбовской губернии от 28 сентября 1921 г. В нем говорилось о необходимости «вести борьбу с взглядами на секретных агентов как шпионов и провокаторов, разъясняя и внушая молодым коммунистам путем бесед и прочее всю необходимость института осведомителей в настоящей гражданской войне, когда всюду должен быть зоркий взгляд и чуткие уши» [Там же, д. 1026, л. 13].

Особым пунктам, созданным в районах, охваченных восстанием, вменялось в обязанность производить фильтрацию арестованных и осуществлять предварительное следствие, а затем передавать дела выездным сессиям трибунала своего участка [Там же, д. 1030, л. 1]. Согласно распоряжению от 22 января 1921 г. члена коллегии РВТ Республики В. В. Ульриха, следствие и судопроизводство надлежало вести самым упрощенным способом, а приговор к расстрелу производить во исполнение, не дожидаясь истечения 48 часов [Там же, л. 3]. К 26 января 1921 г. был создан губернский революционно-военный трибунал (РВТ) в составе председателя Чуфистова, заместителя Артемьева и членов коллегии Рупрехта, Озолина, Гребера [Там же, л. 27 об.]. В феврале 1921 г. при Тамбовском РВТ были созданы трибуналы при командующем войсками Тамбовской губернии, 15-й Сибирской кавалерийской дивизии, а также организованы семь выездных сессий при каждом боевом участке [Там же, л. 1, 5, 11 об.]. В период с 25 февраля по 12 апреля 1921 г. РВТ при комвойсками Тамбовской губернии за «активный бандитизм» было расстреляно 34 крестьянина [Там же, л. 50]. Выездной сессией РВТ 15-й Сибкавдивизии только в с. Малые Алабушки Борисоглебского уезда были приговорены и расстреляны 39 жителей [Там же, л. 51 об.].

В ряде мест действия таких «революционных судилищ» выходили даже за рамки социалистической законности. На коллегии губЧК 18 марта 1921 г. был изучен доклад Моршанского упродкомиссара т. Эпштейна о действиях Тамбовской выездной сессии РВТ, производящей в центре г. Моршанска публичные расстрелы среди дня с обязательным присутствием всей коммунистической организации РКП. Было принято решение войти с ходатайством в губком о немедленном аресте сессии РВТ в полном составе за производимые систематические публичные расстрелы, так как они, «во-первых, воспрещены ВЦИКом, а во-вторых, дают большую почву для контрреволюционной агитации, что при создавшемся политическом и военном положении Моршанского уезда может вызвать открытые выступления» [Там же, д. 1038, л. 42].

Наибольшая активность карательных органов в губернии была отмечена в середине лета – начале осени 1921 г., что было связано с завершающим этапом военных действий по подавлению восстания [2, с. 1011]. При боевых участках были созданы следственные «тройки» в составе начальника особого отдела, председателя ревтрибунала и заведующего политбюро, которым надлежало оперативно решать судьбу участников партизанских отрядов. В данной им инструкции говорилось о том, что «всех добровольно явившихся с оружием бандитов не расстреливать, а заключать в местный лагерь до ликвидации банд Антонова» [1, с. 368]. Впечатляют масштабы репрессий, осуществленных такими «тройками» в мятежных районах. Так, только за две недели с 15 по 27 июня 1921 г., по сведениям особого отдела 2-го БУЧ, через «тройку» прошло 165 чел., из которых 49 чел. было расстреляно [6, д. 30, л. 42]. Да и сами особые отделы продолжали трудиться «в поте лица». Как следует из отчета особого отдела 3-го БУЧ, действующего на территории Борисоглебского уезда, по состоянию на 12 июля 1921 г. им было приговорено к расстрелу 169 чел., отправлено в Симбирск и Череповец – 300 бандитов, освобождено под подписку – 49 крестьян [3, д. 1058, л. 8 об.].

Местная ЧК явно не справлялась с возложенной на нее задачей – борьбой с крестьянским восстанием. Поэтому 19 марта 1921 г. по докладу представителя полномочной комиссии ВЦИК борьбу с бандитизмом в губернии было решено «сосредоточить в Особом отделе при командовании Тамбовско-Воронежской группы, тем самым сняв с губЧК ответственность за борьбу с бандитизмом, а группу губЧК по борьбе с бандитизмом передать в Особый отдел» [Там же, д. 1038, л. 43]. Судя по документам, армейские особисты «трудились не покладая рук». Начальники особых отделений регулярно направляли представления об утверждении приговоров «тройки» к высшей мере наказания – расстрелу «бандитов», участников повстанческих отрядов. Постановлениями коллегии Тамбовской губЧК от 2 и 14 сентября 1921 г. был санкционирован расстрел 65 чел., приговоренных тройкой 3-го БУЧ [Там же, д. 1037, л. 95 – 95 об.]. Начальник особого отдела 10-й дивизии направил 6 и 16 сентября 1921 г. в Тамбовскую губЧК представления об утверждении приговоров о расстреле 33 крестьян, уличенных в бандитизме [Там же, д. 1038, л. 94 – 94 об., 95 об.]. По запросу особых отделов сельские и районные ревкомы составляли поселенные списки участников крестьянского восстания, используемые для проведения дальнейших репрессий. Эти данные будут использованы ОГПУ и в ходе «большого террора».

Заключение

Было установлено, что Тамбовская губернская чрезвычайная комиссия в период гражданской войны 1918-1922 гг. применяла систему насилия по отношению к крестьянам, недовольным аграрной политикой коммунистической власти, и осуществляла карательные меры в отношении организаторов и участников протестных выступлений. С целью подавления крестьянского протеста использовался весь арсенал репрессивных действий, включавший в себя взятие заложников, оккупацию сел, массовые аресты мирного населения, использование концентрационных лагерей, депортацию, расстрелы. Под влиянием крестьянского протеста изменялись организационная структура губернской ЧК, принципы оперативной работы, а также формы ее взаимодействия с органами местной власти и частями Красной армии. Тамбовская губЧК принимала активное участие в работе временных чрезвычайных органов управления (ревкомов, штабов, политических «троек»), оказывала содействие выездным сессиям РВТ в судебном преследовании повстанцев. Дальнейшее изучение проблемы может быть осуществлено посредством обращения специалистов к вопросам кадрового состава органов безопасности, оценки эффективности чекистских операций по борьбе с повстанцами, отношения мирного населения «мятежных» районов к мерам по их социальной зачистке.

Источники | References

1. «Антоновщина»: крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920-1921 гг.: документы, материалы, воспоминания / сост. В. П. Данилов и др. Тамбов: Упр. культуры и архивного дела Тамбовской обл., 2007. 800 с.
2. Безгин В. Б. «Приговор приведен в исполнение немедленно»: телеграммы о расстрелах участников крестьянского восстания 1920-1921 гг. в фонде Военной коллегии Верховного трибунала // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1009-1019.
3. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 840. Оп. 1.
4. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-1. Оп. 1.
5. ГАТО. Ф. Р-2983. Оп. 1.
6. ГАТО. Ф. Р-4049. Оп. 1.

7. Ешин С. В. Анализ органами безопасности причин крестьянских выступлений и подавление сопротивления крестьянства политике советской власти в годы Гражданской войны (по материалам Пензенской губернии) // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 623-626.
8. Заяц Н. А. Деятельность Воронежской губернской чрезвычайной комиссии в 1918 г. // Новое прошлое. 2017. № 2. С. 47-62.
9. Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Известия ТГИК СРККД). 1920. 7 сентября.
10. Известия ТГИК СРККД. 1920. 2 октября.
11. Известия ТГИК СРККД. 1920. 20 октября.
12. Известия ТГИК СРККД. 1920. 21 октября.
13. Известия ТГИК СРККД. 1920. 2 ноября.
14. Медведев А. В. Репрессии и амнистии советского государства в Нижегородской губернии в годы гражданской войны (1918-1920) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 4. С. 38-51.
15. Мистрюгов П. А. Антикрестьянские мероприятия органов ВЧК в Поволжье и Приуралье в годы Гражданской войны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 2. С. 41-48.
16. Мозохин О. Б. Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК - ОГПУ - НКВД - МГБ (1918-1953 гг.). М.: Вече, 2018. 480 с.

Информация об авторах | Author information

Парахин Сергей Алексеевич¹

Безгин Владимир Борисович², д. ист. н., проф.

^{1, 2} Тамбовский государственный технический университет

Parakhin Sergei Alekseevich¹

Bezgin Vladimir Borisovich², Dr

^{1, 2} Tambov State Technical University

¹ vano12122@mail.ru, ² vladyka62@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 04.07.2021; опубликовано (published): 15.09.2021.

Ключевые слова (keywords): Тамбовская губерния; чрезвычайная комиссия; крестьянский протест; восстания; расстрелы; Tambov province; Extraordinary Commission; peasant rebellion; uprisings; firing squad executions.